

ПОПЫТКИ СОВЕТИЗАЦИИ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-1921 гг.*

Эпопея главного высшего военно-учебного заведения дореволюционной России, Императорской Николаевской военной академии, в заключительный период её истории, в 1920-1922 гг. (тогда она именовалась Военной академией), практически не изучена. Ещё менее известны эпизоды академической истории, связанные с попытками возвращения академии в Советскую Россию в 1920-1921 гг., о которых пойдёт речь в настоящей статье.

В октябре 1919 г., чтобы избежать захвата частями наступавшей Красной армии, Военная академия была эвакуирована из Томска во Владивосток, где и находилась вплоть до конца Гражданской войны. О предстоящей эвакуации стало известно 1 октября 1919 г. [10, 9]. Остававшиеся при академии профессора Генштаба, генерал-лейтенанты Б.М. Колюбакин и Г.Г. Христианин, высказались против эвакуации через всю Сибирь в холодное время года, о чем 6 октября написали начальнику штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу [10, 20]. Среди доводов было то, что для открытия академии после эвакуации потребуется не менее пяти месяцев. Однако начальник академии Генштаба генерал-майор А.И. Андогский ответил им, что эвакуация академии – это государственное мероприятие [10, 21; 9, 18]. На следующий день был издан приказ Дитерихса № 1228, которым предписывалось эвакуировать академию из Томска во Владивосток. Во Владивостоке академия должна была разместиться на Русском острове.

Академия была эвакуирована из Томска в трёх эшелонах. Первый эшелон под руководством полковника В.Н. Главацкого, включавший академическую библиотеку (250000 томов), склад учебных пособий и геодезических инструментов (топографические и геодезические инструменты на 350 слушателей), экспедиционный отдел, архивы, музеи, части типографии и личное имущество высшего учебно-административного состава, выехал из Томска 1 ноября.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.».

Второй эшелон под начальством штабс-капитана А.С. Дружина, в котором перевозились остатки имущества библиотеки, типографии и большая часть личного имущества учебно-административного состава академии и рабочих типографии, выехал из Томска 10 ноября 1919 г. На Дальний Восток эшелон продвигался крайне медленно вследствие действий партизан, а также из-за ожидания оставшегося в Ставке персонала академии, в т.ч. её начальника, генерала Андогского и членов конференции (коллегиального руководящего органа академии) — Н.И. Коханова, Д.В. Филатьева, В.И. Сурина и А.А. Сурнина.

В третьем эшелоне, которым руководил заведующий типографией подполковник К.А. Наумов, перевозилась незначительная часть личного имущества и весь личный состав, кроме уехавших первыми двумя эшелонами. Эшелон отправился 19-20 ноября. В третьем эшелоне ехали профессора Колюбакин, Христиани, правитель дел Слижигов. Андогский догнал эшелон лишь в Иркутске.

8 и 10 декабря 1919 г. первые два эшелона прибыли во Владивосток. Во Владивостоке оказались заместитель начальника академии Генштаба генерал-лейтенант А.И. Медведев, генерал-майоры А.Т. Антонович, М.А. Иностранцев и Г.Т. Киященко, полковники В.Н. Главацкий и П.Г. Осипов, подполковник Б.А. Вуич, библиотекарь академии штабс-капитан Дружинин и квартирмейстер ротмистр В.Э. Арнгольд. Через несколько дней приступили к разгрузке эшелонов и перевозке имущества в распоряжение 36-го Сибирского стрелкового полка на Русском острове. Разгрузкой эшелонов руководил начальник второго эшелона штабс-капитан Дружинин.

С третьим эшелонem всё оказалось сложнее. Казалось бы, переезд во Владивосток был благом для академии, так как развал колчаковского Восточного фронта грозил безопасности уникального академического имущества, однако и с востока тоже шла революционная волна. Пока академия ехала во Владивосток, там 31 января 1920 г. произошел переворот, в результате которого власть перешла от главного начальника Приамурского края и командующего войсками Приамурского военного округа Генштаба генерал-лейтенанта С.Н. Розанова к временному социалистическому правительству Приморской областной земской управы во главе с А.С. Медведевым. Администрация академии (генералы Иностранцев и Киященко, полковник Осипов) укрылась в союзных миссиях. Генерал Антонович, назначенный незадолго до событий начальником штаба Приамурского военного округа, был на сутки арестован [20, 402-403]. Заместитель начальника академии, ординарный про-

фессор А.И. Медведев рассчитывал на родственные связи с главой земского правительства Медведевым.

Академия оказалась разделена. Андогскому нужно было в очередной раз принимать нелёгкое решение, с кем быть — с колчаковцами в Харбине и Чите или со своими подчинёнными во Владивостоке. В связи с нестабильностью на Дальнем Востоке у начальника академии возникла идея выехать в Маньчжурию, где задержаться до выяснения обстановки. В этих целях была установлена связь с Верховным уполномоченным российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом.

Вследствие политических катаклизмов третий эшелон академии около трех месяцев простоял в Харбине. Нахождение его в полосе отчуждения КВЖД подвергало российское имущество некоторому риску. Андогский рассматривал различные варианты эвакуации академии — на Юг России, в Польшу или в Японию. Недруги Андогского, наоборот, заявляли, что он жаждал отправиться во Владивосток и даже инициировал вызов туда и телеграмму о том, что неприбытие академии грозит её начальнику смертной казнью [6, 56об]. На самом деле документы не свидетельствуют, что речь шла об инициативе Андогского.

Задержка в Харбине повлекла определенные материальные затруднения, вызвав недовольство и протесты низших служащих академии и рабочих академической типографии. Эти протесты в дальнейшем вылились в серьёзную и организованную оппозицию руководству академии. Рабочие и служащие провели общее собрание, на котором избрали особую комиссию уполномоченных третьего эшелона в составе трёх работников типографии: бухгалтера Н.А. Гущина, корректора А.К. Заколупина и фактора А.Ф. Баранульки для составления докладной записки начальнику академии по вопросу отправки во Владивосток, где уже находилось их имущество*. Альтернативным решением было возвращение из Владивостока первых двух эшелонов академии. Рабочие постановили отправить делегацию в Приморье.

* Н.А. Гушин еще в 1917 г. состоял в академическом комитете, комитетом академии он был делегирован в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов [14, 198]. Гушин был принят на работу в академию уже в Томске 6 декабря 1918 г. [3, 51]. Впрочем, принятие на работу было лишь формальностью. А.Ф. Баранулька происходил из деревни Пятигорск Лепельского уезда Витебской губернии, в Первую мировую войну был ратником ополчения [14, 421]. А.К. Заколупин был прикомандированным к академической типографии солдатом. По данным на 1918 г. служил в 1-м авто-броневом отряде ВЦИК [15, 53, 55].

Андогский поддерживал связь с оказавшимися во Владивостоке сотрудниками и распорядился продолжать разгрузку эшелонов, что намечалось с 6-7 марта. Таким образом, он, видимо, хотел воспрепятствовать возврату эшелонов. Один из лидеров рабочих и служащих академии, Б.М. Чудинов*, связался с приморскими большевиками, в т.ч. с С.Г. Лазо и добился приказа о приостановке разгрузки в связи с угрозой захвата академии японцами при невозможности её быстрой эвакуации с Русского острова. Рабочие выступали за отправку академии в Амурскую область. 6 марта неразгруженный эшелон академии, несмотря на препятствия академического генералитета, был переведён с тупиковой станции Эгершельд на станцию Первая речка.

Во второй половине марта Б.М. Чудинов обратился к видному большевику П.С. Парфёнову с докладной запиской о реакционных замыслах руководства академии и просил назначить в академию политического уполномоченного, которым стал Н.П. Дагаев. После этого требования отправить третий эшелон во Владивосток стали звучать громче.

Андогский был готов в качестве компромисса отпустить типографских рабочих, куда они хотят. Однако отправке третьего эшелона во Владивосток противилась конференция академии. Особенно усердствовал правитель дел Слижигов [1, 43]. Опасаясь самоуправства рабочих, временно руководивший академией генерал Колубакин запретил начальнику станции Харбин отправлять эшелон без его разрешения [2, 4].

Пребывание академии во Владивостоке имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, на Русском острове академия могла быть удобно и сравнительно безопасно размещена. С другой стороны, положение Владивостока, в отличие от Харбина, не было стабильным, частые смены режимов не способствовали спокойной атмосфере, необходимой для академической работы и учебы. Но, в целом, академическое имущество сохранялось в этот период относительно успешно, а типография могла функционировать.

На не вполне ясные обстоятельства истории академии того периода проливают свет дневниковые записи Генштаба генерал-

* Б.М. Чудинов родился 15 марта 1892 г. в селе Ильинском Пермской губернии. В академии работал с 1 октября 1918 г. служащим библиотеки [11, 138-139].

лейтенанта В.Г. Болдырева, находившегося во Владивостоке. По свидетельству Болдырева, на 8 февраля 1920 г. в академии «никаких слушателей не оказалось, а из профессуры – только старый А.И. Медведев. Начальник Академии генерал Андогский с хозяйственной частью и деньгами задержался в Харбине. Решено его оттуда извлечь» [17, 309]. 11 февраля Болдырев записал: «Обсуждали судьбу Военной академии. Сюда докатилось только имущество академии и вся библиотека. Материальную и научную ценность последней и определить трудно» [17, 310]*. 14 февраля Болдырев отметил, что послана телеграмма о прибытии эшелонов академии из Харбина во Владивосток. По его наблюдению, «кое-кто из здешних академистов полагает, что ген. Андогский воздержится от поездки во Владивосток. При установлении здесь советской власти ему могут указать, что служба у Колчака не вяжется с его прежним званием начальника Красной академии. Уверяют, что у Андогского есть хвост и в Харбине. Интересно – дотягивается ли этот хвост до Читы. Во всяком случае здешние академисты явно тяготеют к Харбину, и только старик Медведев (профессор статистик) прочно осел на Русском острове» [17, 312].

Командующий сухопутными и морскими силами Приморской области эсер А.А. Краковецкий 22 марта телеграфировал Медведеву с копией Андогскому: «Приказываю весь состав академии перевести [во] Владивосток. Неисполнение приказа будет караться по закону военного времени» [1, 15]. Андогский тогда находился в Пекине, а железная дорога бастовала. По всей видимости, у начальника академии уже не было выбора, так как большая часть вверенного ему учреждения находилась во Владивостоке. Представителю газеты «Свет» он объяснил необходимость отъезда безнадежностью положения атамана Г.М. Семёнова, решением профессоров академии и требованиями наборщиков академической типографии [6, 53об]. Якобы Андогский даже объявил о переходе на сторону советской власти. В итоге около 27 марта последний эшелон академии отправился во Владивосток, куда прибыл 30 марта. В эшелоне ехали 70 служащих академии и члены их семей [2, 37об].

Владивостокские власти имели свои виды на академию. 23 марта Краковецкий приказал профессору Медведеву остановить раз-

* Опущены слова: «Конечно, страшновато за него» (имущество) [17, 552].

грузку эшелонов академии, а неразгруженные вагоны отправить в Благовещенск с представителем академии, приготовив выгруженное имущество к отправке. Далее академию предлагалось отправить в центр России. Типографию академии предполагалось оставить во Владивостоке.

Правитель дел владивостокской части академии генерал А.Т. Антонович, не понимая смысла этих распоряжений, записал в дневнике: «Чем вызвана эвакуация? Общим ли политическим положением, т.е. возможностью оккупации Приморской области японцами? Или принятая мера – репрессия по отношению к академии за сидящих в бесте* в Харбине? Если учесть все слухи о возможности и вероятности оккупации японцами, наблюдаемое их безостановочное усиление и увеличение вооружённых сил в области, слухи об эвакуации других учреждений, то вывод, пожалуй, один – спасайтесь от японцев. Предположение подтверждается только что услышанным мною от офицера: напряжённость в центральных военных учреждениях, изменчивость принимаемых решений. Например, была подготовлена телеграмма о разгрузке академических вагонов и отправка их для этого на Эгершельд, и вдруг – изменение: послана телеграмма об эвакуации. Обстановка запутанная. Центральная советская власть стремится избежать вооруженного столкновения, указывает разрешить вопрос мирным путем. С этим солидарна и местная власть. Но партизаны – главная вооруженная сила – жаждут крови и держат себя вызывающе. По-видимому, мы близки к новым событиям, но не внутреннего характера, а к тем, которые несут колоссальный ущерб России; событиям, последствием которых будет потеря Россией Приморской области. Японцы начинают шевелиться» [20, 405-406].

Переговоры с администрацией академии во Владивостоке о переезде в Благовещенск и далее в Москву по поручению партийных органов 19 марта возглавил большевик П.С. Парфёнов, считавший академическое начальство контрреволюционным. По мнению Парфёнова, «личный состав академии, начиная с начала 1918 г., принимал самое активное участие в борьбе с советской властью, и особенно начальник академии генерал Андогский. Он обманном образом увёз имущество академии в Екатеринбург, в связи с предполагаемым захватом немцами Петрограда. Лытя Троцкому и Бонч-

* Бест – укрытие, убежище.

Бруевичу и для «виду» выполняя некоторые их задания (Андогский ездил в Брест экспертом), он в то же время находился в самых тесных сношениях с белыми подпольными организациями и, как только на Урале и в Сибири началась гражданская война, перешел на сторону белых открыто.

При Сибирском правительстве и у Колчака Андогский и виднейшие профессора академии – Рябиков, Антонович, Сурин, Колубакин и др. – находились также на самой ответственной военно-административной и оперативной работе.

Все это теперь решено было забыть, если они согласятся эвакуироваться вместе с имуществом академии» [22, 22].

До приезда Андогского Парфёнов вел переговоры с его заместителем генералом Медведевым. Однако академическое руководство не стремилось к очередному переезду, зато инициативу поддерживали типографские служащие. Разгрузка имущества была прекращена. Парфёнов вспоминал: «Академики встревожились. Они понимали, что без академического имущества многим из них – грош цена, и потому начали насаждать на своих товарищей, работающих в земском правительстве и в военном совете, а те, в свою очередь, – на членов правительства и военный совет» [22, 23].

Понимая, что бессмысленные переезды угрожают разбазариванием или гибелью бесценных собраний академии, в дело вмешался экстраординарный профессор академии В.Г. Болдырев. 24 марта он направил Краковецкому весьма срочное послание, в котором писал: «В виду предположения о перемещении академии Генерального штаба, ныне находящейся во Владивостоке, на Русском острове, как один из профессоров академии, считаю непрямым долгом высказать нижеследующие соображения:

1. Библиотека академии в связи с обширным складом учебных пособий представляется огромной ценностью и редким национальным имуществом России, а посему сохранение его в целости является долгом той власти, на территории которой это имущество осталось.

2. В настоящее время имущество это, за исключением части его, находящейся в Харбине, находится на Русском острове в отличных помещениях, гарантирующих его от порчи и расхищения. При имуществе этом имеется часть учебно-административного состава, располагающего средствами, как по охране этого имущества, так и по непрерывному учёту.

3. Всякое передвижение сопряжено с неизменной порчей упа-

ковки, а, учитывая современные средства транспорта, особенно при движении по Амурской дороге, можно предполагать возможность приостановки этого имущества где-либо в пути, негарантированной от всяких случайностей, угрожающей (так в документе. – А.Г.) целости имущества.

4. Перемещение академии в Хабаровск или особенно в Благовещенск диктуется, видимо, опасением захвата академии при возможности политических осложнений, причём указывается, что с академией, может быть, произойдёт то же, что и с Военно-топографическим отделом в Хабаровске. Аналогия не вполне правильная. Имущество Военно-топографического отдела, топографические принадлежности [имеют] исключительно военное значение; захват его не только передает в руки захвативших его б[ольшей] ч[астью] секретный военный материал, но и лишает нас весьма ценного пособия в деле обороны нашей охраны (страны), т.е. ослабляет нашу боеспособность. Ничего подобного не представляет имущество академии. Весьма ценные книги и даже пособия в большинстве являются достоянием военных академий всех держав. Часть книг, конечно, представляется её библиографической редкостью и похищение их являлось бы простым грабежом ценных, но не имеющих значения в военном отношении предметов; что едва ли допустимо.

5. Наиболее целесообразным было бы временно оставить академию здесь, при первой возможности перебросить её в Иркутск и далее в Петроград, что, конечно, легче сделать через Харбин, воспользовавшись в крайнем случае Чешскими отправлениями в Забайкалье до Верхнеудинска, чем загонять её на Амурскую дорогу при крайне слабой провоз[о]способности этой дороги.

6. Новая перевозка академии, ныне находящейся на Русском острове, кроме неизбежной порчи имущества, будет стоить и огромных непроизводительных расходов.

7. Безопасность временного оставления академии во Владивостоке в крайнем случае гарантируется от посягательств со стороны наличностью здесь иностранного консульского корпуса.

Ввиду изложенного полагал бы настоятельно необходимым оставить академию в ныне занимаемых вполне удобных и гарантирующих от порчи помещениях (в документе несогласованно – помещений. – А.Г.) на Русском острове» [3, 26-26об]*.

* П.С. Парфёнов в своих воспоминаниях почему-то указал, что письмо Болдырева было адресовано ему [22, 23]. В этой связи можно предположить, что Болдырев разослал письмо нескольким адресатам.

Болдырев, по свидетельству П.С. Парфёнова, вел переговоры по этому вопросу и с другими большевистскими руководящими работниками – уполномоченным РСФСР на Дальнем Востоке В.Д. Виленским-Сибиряковым (интересно, что он впоследствии стал комиссаром академии Генштаба РККА), заместителем председателя Военного совета Приморской областной земской управы С.Г. Лазо, председателем Дальневосточного крайкома РКП(б) П.М. Никифоровым. В результате вопрос об академии оказался на повестке дня Дальневосточного краевого партийного комитета. Впрочем, решено было планов эвакуации академии не менять, а её типографию передать амурскому партийному комитету, настойчиво просившему об этом для издания газеты [22, 25].

В связи с подготовкой отправки академии в Благовещенск приказом сухопутным и морским силам Приморской области от 31 марта 1920 г. была назначена комиссия для проверки имущества академии под председательством П.С. Парфёнова, в составе Н.П. Дагаева, Н.А. Гущина и Б.М. Чудинова. Двое последних, как видим, играли определенную роль в академии в качестве неформальных лидеров её низших служащих и антагонистов начальства. Проверки должны были пройти на Русском острове, где размещалась академия и на железнодорожной станции Первая речка, где стояли эшелоны академии и неразгруженное имущество.

Детальной проверки решено было не проводить, ограничившись в связи с реэвакуацией академии проверкой при выгрузке из зданий Русского острова, при обнаружении повреждений и исчезновения имущества предполагалось составлять акты. В приказе содержалось и оскорбительное для персонала академии требование проверить частное имущество эшелонов академии на предмет наличия государственного имущества [1, 29-30]. Члены комиссии воспринимали академическое начальство как приспособленцев и относились к нему отрицательно.

По свидетельству А.Т. Антоновича, «академия треплется как ладья в открытом море; переживает четвертую эвакуацию. Но эта, четвертая, хуже других: состав внутри нее раскололся, часть – в Харбине, что-то предпринимает и плетет, часть – здесь действует открыто, безо всякой дипломатии, по национальной совести. Если учесть всё, что слышал сегодня, 24 марта, т.е. о возможности оккупации и о совместных действиях Японии и Польши, то с уверенностью можно сказать: ответа от А.И. Андогского не будет, а если

они все на свободе, будут выжидать в расчете соединиться с имуществом здесь, во Владивостоке.

Что же дальше? Неужели ценное государственное академическое имущество, имеющее историческое значение, попадёт в руки японцев? Вопрос чрезвычайно усложняется. Думаю, что выход теперь один – подготовить международный фланг, сдать имущество под охрану международной комиссии и, так сказать, нейтрализовать положение. Если, не дай Бог, случится оккупация Японии, мы – преступники перед родиной, не сумевшие сберечь её достояние. Жаль, очень жаль, что нет у нас единения, крепкой спайки. Харбинцы ничего определенного не говорили, отделялись общими фразами и только требовали от нас ориентировки. Говорили, что им виднее. Да, может быть, они правы, но зачем держали нас во тьме? Все, что случится скверного, будет на их совести» [20, 406-407]. Таким образом, Антонович, видимо, выражавший мнение всего преподавательского состава, попавшего во Владивосток, был патриотически настроен и стремился не допустить захвата академии японцами.

Академическое начальство явно не хотело ехать из Владивостока в Амурскую область и саботировало это распоряжение. В докладе Парфёнова Военному совету Временного правительства об имуществе академии от 4 апреля 1920 г. отмечалось, что в 1918 г. эвакуация академии из Петрограда не вызывалась текущим моментом, а была следствием обмана Андогским и Иностранцевым советской власти, что, конечно, не соответствовало действительности. По мнению Парфёнова, «в действительности же, будучи в курсе всех дел контрреволюционеров, Андогский и др. действовали в данном случае с заранее обдуманном намерением, имея в виду скорое начало чехословацкого и белогвардейского выступления в Сибири» [1, 34]. Парадокс отношения властей к академии заключался в том, что белые обвиняли её сотрудников во главе с Андогским в большевизме, а красные и «розовые» – в том, что они были белогвардейцами и контрреволюционерами. В этой, казалось бы, безвыходной ситуации только административные и организаторские способности Андогского и его окружения спасли академию от репрессий и разгрома высокоморальными блюстителями абстрактной «чистоты риз».

3 апреля Болдырев записал: «Прибыли эшелоны Военной академии из Харбина. Начальник академии генерал Андогский приезжал приглашать на конференцию академии. На рукаве у него боль-

шая красная звезда. Жаловался, что политический уполномоченный при Краковецком требует немедленного отправления академии в Благовещенск, объясняет это интригами младших служащих» [17, 330].

Андогский во Владивостоке нанес визиты местным руководителям. Как иронически вспоминал П.С. Парфёнов, посещал он тех, кто «по компетентному мнению его осведомленных коллег, были «помягче» и могли академии «помочь», но его направляли ко мне» [22, 25].

Представляет интерес беседа Андогского с Парфёновым, состоявшаяся вечером 2 апреля 1920 г. К сожалению, неизвестно, насколько точно её воспроизвел в своих мемуарах сам Парфёнов, но за отсутствием свидетельства Андогского изложение Парфёнова является безальтернативным:

«[Андогский:] Здравствуй, товарищ уполномоченный! Я пришел к вам выяснить вопрос о положении академии, её личного состава и имущества. Мне сказали, что решение её судьбы зависит от вас.

[Парфёнов:] Здравия желаю, господин генерал! Вы правы – направили вас по адресу. Мне действительно по поручению правительства и военного совета приходится сейчас заниматься вопросом об эвакуации академии из Владивостока. Кое-какие меры мною уже приняты, но окончательно решить вопрос этот мне поручено после переговоров с вами; я имею в виду уговорить вас сопроводить академию лично.

[Андогский:] Тогда вам не надо было вызывать меня из Харбина, там академия была ближе к Петрограду, чем здесь. Мне бы несомненно удалось добиться согласия чехов взять нас под свое покровительство до Иркутска, а быть может нас, без скандала и «особого воздействия», пропустил бы и Семёнов: как-никак он ведь тоже русский офицер и русский человек, в сохранении академии для России заинтересован...

[Парфёнов:] Именно потому главным образом, что вы возлагаете такие большие надежды на Семёнова, мы и вызвали вас сюда, а надежды на чехов – бесосновательны: их уже нет ни в Иркутске, ни в Верхнеудинске. Кроме того, здесь уже находились два эшелона с имуществом академии, а дорогу через Хабаровск и Амур мы считаем более удобной и целесообразной. Наш план таков: академия, во главе с вами и всем личным составом, едет отсюда до

Благовещенска, там задерживается до восстановления прямого сообщения с Россией, а этим временем поможет нам подготовить сотню-другую командиров для Красной армии. Мы теперешнему личному составу академии доверяем, сменять его не будем, только назначим к вам политического уполномоченного и одного-двух преподавателей. Как видите, я говорю с вами вполне откровенно, начистоту. Что вы скажете на это?

[Андогский:] Я отвечу вам с тою же откровенностью: недоверие к большевикам у нас, несомненно, ещё есть, за такой короткий срок его нельзя было изжить. Но конференция академии, тем не менее, постановила, что дальнейшую свою работу она мыслит только в интересах единства России, пусть даже под советским наименованием; мы стоим за гражданский мир, за прекращение всякой вооружённой борьбы с большевиками. Поэтому работать на Советскую Россию мы не отказываемся, и я уже предлагал товарищам Лазо и Виленскому организовать трехмесячные курсы при академии здесь, во Владивостоке. Мы не будем возражать против назначения в академию вашего политического комиссара и против обновления профессорского состава, но вместе с этим мы решительно возражаем против эвакуации нас в Благовещенск. Зачем? Разве здесь не такие же большевики, как и там? Разница ведь только в вывеске: здесь флаг земский, а там исполкомовский, а по существу и там и здесь у власти большевики. Но зато громадная разница в технике, в удобствах: Владивосток – культурнейший центр, здесь к услугам академии специальные учебные помещения, а Благовещенск – глухая, технически отсталая провинция, где даже в мирное время нельзя было организовать приличную учебную команду. Я уж не говорю о том, что двигать академию на Амур по скверной дороге и безвредно, и будет очень дорого стоить правительству.

[Парфёнов:] Очень рад, что мы поняли друг друга в основном; в деталях говорить гораздо легче. Поэтому я буду с вами и дальше вполне откровенным. Вы, очевидно, уже достаточно информированы, надо думать, уже видели Болдырева и Доманевского и знаете, насколько сложна местная обстановка. Каждый день почти у нас происходят стычки с японцами; недавно они убили двух наших красноармейцев, которые принимали от американских солдат охрану Кипарисовского тоннеля, вчера хотели арестовать Краковецкого, когда он делал смотр войскам в Никольске, а сегодня ген. Оой сделал нам ряд предложений в такой форме, которую мы не можем

не рассматривать как ультиматум. Американцы, которые их все время сдерживали, на днях уходят совсем, японцы наглеют с каждым днём все больше и больше. Они захватили у нас из-под носа, несмотря на наш решительный протест, помещение бывшего американского штаба, и мы ничего не можем сделать и ютимся вот в бывшем кафешантане. Мы драться с японцами не хотим, идем на всевозможные уступки, но бывает конец ведь всякому терпению! А политика Японии теперь определилась окончательно, и не в нашу пользу – вы это знаете: войск своих с нашей территории они уводить не желают и не говорят, что сделают это в будущем. По всем этим соображениям мы решили базой нашего главного командования сделать Хабаровск и сильней укрепиться на Амуре. Туда на днях переезжает революционный военный совет, там будут расквартированы все главные управления Красной армии. Там, по всем этим же соображениям, мы намереваемся развернуть и работу академии.

[Андогский:] С обстановкой я знаком, но всё же не считаю её настолько сложной. Японцы активно выступать здесь вряд ли будут, тем более, если коммунисты обещают им воздержаться от проведения здесь некоторых советских реформ, особенно в области торговли и партийной пропаганды. Наличие же здесь академии и её старинный авторитет, наоборот, заставят японское командование сдерживаться, так как существуют некоторые традиции, обязательные для офицеров Генерального штаба всего мира, в том числе и японского. А среди них вообще – немало джентльменов. Поэтому, если даже правительству придётся туго в своей мирной политике, оно всегда может рассчитывать на посредничество академии, с мнением которой японцы не могут не считаться. И, наоборот, я уверен, что они сразу же заподозрят нехорошее, если вы эвакуируете отсюда академию в другое место. Мне известно, что и Краковецкого японцы задержали потому, что он без предупреждения их, при весьма законспирированной обстановке, приказал увезти из Никольска в Хабаровск девять американских танков: не будь этого, они бы никогда так не поступили. Итак, я считаю, что по всем тем соображениям, которые вы высказали и которые я с[о] своей стороны дополнил, академия должна остаться во Владивостоке и здесь развернуть свою работу.

[Парфёнов:] Хотя ваши соображения меня полностью не убедили, и отменять работы по эвакуации академии я не буду, но все же

вы, несомненно, внесли в этот вопрос новые моменты, которые требуют дополнительного обсуждения. Давайте встретимся здесь завтра и уж тогда окончательно с вами договоримся.

[Андогский:] Итак, до завтра! Надеюсь, что мы ещё с вами здесь поработаем? Всего хорошего!» [22, 25-29]*.

Из беседы следовало, что Андогский готов возобновить работу академии, причем даже в интересах Советской России, но пытался противодействовать отправке в Благовещенск. Объективно такая отправка была для академии и её сокровищ вредна. К тому же очередная перевозка огромного имущества целого учреждения не могла быть простым делом. В этом смысле стремление Андогского отменить новую эвакуацию вполне понятно и оправданно. При этом контактировавший с японцами Андогский, вполне вероятно, лукавил относительно планов японского командования не выступать во Владивостоке против русской администрации (беседа проходила накануне японского выступления).

Парфёнов был поражен осведомленностью собеседника, в том числе в секретных вопросах. В итоге он поручил начальнику разведывательного отдела Ф.Е. Ильяшенко организовать слежку за Андогским. Наблюдение показало, что Андогский продолжительное время консультировался с японскими представителями и посетил множество японских генералов. Об этом же сообщали из академии доверенные лица Парфёнова Чудинов и Гущин. Андогский пригласил их к себе и иронически поздравил с отменой эвакуации [22, 29]. Как и прежде, академическое руководство успешно проводило политику лавирования в сложной и переменчивой политической обстановке.

Военный совет, вероятно, ознакомившись с докладом Парфёнова, распорядился о реэвакуации академии в центр Советской России, а первоначально на Благовещенск. При этом лидеры краевых большевиков по вопросу об эвакуации академии высказывали различные мнения. Так, Б.Н. Мельников просил Парфёнова повременить с этим. Однако Парфёнов сообщил ему о результатах наблюдения за Андогским, после чего было решено отправить один из эшелонов в Амурскую область.

*С некоторыми отличиями непринципиального характера опубликовано в: *Парфёнов П. Переговоры с командованием белых сибирских армий в 1920-1921 гг. (Документы и записки)* // Пролетарская революция. – 1926. – № 11 (58). – С. 156-158.

Неопределенные метания персонала авторитетного высшего военно-учебного заведения вызывали неудовольствие властей. В итоге П.С. Парфёнов подготовил проект приказа по военному и морскому ведомству, содержащий постановление Военного совета о расформировании академии:

«Революционный военный совет постановил:

§1

Академию Генерального штаба расформировать. Начальника академии, профессоров, преподавателей и весь командный состав академии по сдаче ими дел ликвидационной комиссии зачислить в резерв чинов штаба войск, впредь до откомандирования их в войсковые части распоряжением штаба командующего вооружёнными силами.

§2

Служащих и рабочих академии подчинить [политическому] уполномоченному при академии и заведывающему эвакуируемым имуществом, впредь до окончания всех работ по учету, ревизии и эвакуации всего имущества.

Примечание: Лицам непризывного возраста, не желающим работать, предоставляется возможность теперь же уволиться на общих в таких случаях основаниях.

§3

Для учета имущества и ревизии всех дел академии, эвакуации части её имущества, как-то: фундаментальной библиотеки, архива освободительной войны и топографических принадлежностей в Москву и типографии в Благовещенск, а также для распределения остающегося имущества по войсковым частям, учреждениям и заведениям, - создать комиссию из представителей культурно-просветительского и учетного отделов военного совета, главного начальника снабжения и администрации академии под председательством тов. Парфёнова, которой немедленно приступить к работе.

Примечание: Комиссии присвоить наименование «Ликвидационная комиссия по делам Николаевской военной академии Генерального штаба».

§4

Для нужд комиссии и выдачи содержания личному составу расформируемой академии в распоряжение председателя комиссии ассигновать три миллиона рублей, под отчет на общих основаниях.

Для сопровождения и охраны в дороге эвакуируемого имущества академии командующему вооружёнными силами, по соглашению с политуполномоченным, назначить: заведывающего эвакуируемым имуществом, делопроизводителя, начальника эшелона и 25 красноармейцев рядового состава» [22, 30-31]. 3 апреля документ был отправлен в Политбюро на утверждение.

Таким образом, офицеров по расформировании академии предполагалось зачислить в резерв чинов штаба войск впредь до откомандирования в воинские части. Преподавателей планировали отправить в Москву, в распоряжение академии Генштаба РККА. Имущество также подлежало отправке в Москву, а типография – в Благовещенск. На выдачу содержания служащим академии и нужды ликвидационной комиссии должно было быть выдано 3 млн. руб. Отpravку первого эшелона, не дожидаясь утверждения приказа, Парфёнов наметил на 4 апреля. Сопровождающими назначались Чудинов и Дагаев с вооружённым отрядом.

3 апреля в академии прошло совещание по вопросу о дальнейших действиях. Важное свидетельство о нём, раскрывающее позицию академического руководства в то время, оставил А.Т. Антонович: «Стоит отметить также состоявшийся в субботу в вагоне начальника Академии обмен мнений по текущему моменту. Переговоры А.И. Андогского с политическим уполномоченным командующего войсками привели к следующему: библиотека и типография отправляются под руководством бывшего подъяесаула Голорыбова с участием Гущина и третьего лица (фамилию не помню) в Советскую Россию через Благовещенск. Весь личный состав остаётся здесь, во Владивостоке, на усиление; занимаемые в академии должности сохраняются за чинами академии; активные работники будут получать содержание полностью, а пассивные – 80%.

После этой информации, сделанной А.И. Андогским, обменялись взглядами; за исключением одного все пришли к заключению, что нужно выявить русское лицо и перестать скитаться по белу свету. Из слов сидевших в Харбине, я вынес впечатление, что там мечтали целым учреждением выехать куда-то за пределы России. Была такая фраза: «Нужно поставить крест на возможности уехать целым учреждением». Со слов другого члена конференции стало ясно, что обращались за помощью к французам. В конце заседания А.И. Андогский просил участников конференции письменно выс-

казать свое политическое кредо и предоставить ему в 14 час. следующего дня, и мы разошлись. Однако странный результат: кроме меня никто не представил. Я написал, что стою на платформе Приморского областного земства. Хочу объяснить такой поступок членов недостатком внимания.

Отрадно, что национальное чувство восторжествовало, искренне или по безысходности положения, но восторжествовало. Я возвращался удовлетворённый таким результатом, тем более, что в национальном духе говорили лица, от которых трудно было [этого] ожидать. На заседании присутствовали: засл[уженный] проф[ессор], ген[ерал]-лейтенант Колюбакин Борис Михайлович, засл[уженный] проф[ессор], ген[ерал]-лейтенант Христиани Григорий Григорьевич, ординарный проф[ессор], нач[альник] академии Андогский Александр Иванович, ординарный проф[ессор], ген[ерал]-майор Коханов Николай Иванович, шт[атный] преподаватель, ген[ерал]-майор Сурин Виктор* Ильич, шт[атный] преподаватель, полковник Слижиков Аркадий Павлович и я. Отсутствовали экс[тра]орд[инарный] проф[ессор] Болдырев (которому [была] послана записка с извещением о конференции), видимо, не пришедший за недостатком времени, и ординарный проф[ессор] Иностранцев Мих[аил] Алекс[андрович], подавший в отставку и находящийся пока во Владивостоке. На этом же заседании академии объявили о решении правительства отчислить из академии отсутствующих больше месяца. И такой финал академических скитаний получился, с моей точки зрения, из-за несвоевременного прибытия во Владивосток из Харбина. Это мнение и было высказано мною за завтраком у А.И. Андогского 5 апреля Аркадию Павл[овичу] [Слижикову] и Ал[ександру] Ив[ановичу] [Андогскому], хотя они не разделяют моего мнения, считая (говорил Ал[ександр] Ив[анович]), что Харбин – центр, в котором сосредотачивается вся международная информация и потому они должны были быть там; но, тем не менее, я остаюсь при своем мнении. Академия как учебное заведение должна быть аполитична и члены её не должны делать политику; во вторых, если согласиться с необходимостью иметь международную информацию, то это можно было бы сделать иначе – оставить специалиста-информатора, а всем уехать во Владивосток, тем более,

*В документе ошибочно – Викентий. Далее неточности в именах упоминаемых в цитатах лиц исправляются без оговорок.

что власть была приемлемая, с платформой которой, как показало совещание в субботу, все не только мирятся, но и соглашаются. Что же в таком случае удерживало?... Пусть ответ остается при тех, кто там сидел и кто уехал; думаю, что громко им не совсем удобно высказываться. Не этот ли ответ заставил замолчать, когда на заданный мне вопрос, почему я не приехал в Харбин информировать? — я ответил: во-первых, потому, что впечатления слишком субъективны, и я не считал себя вправе, чтобы по моей ориентировке принимались решения, а тем более после предупреждения А.И. [Андогского], что решения очень важны; во-вторых, не желал, считал, что, если сидят в Харбине и не хотят рисковать собою ради учреждения, то естественно, я не должен рисковать собою ради личной безопасности сидящих там лиц. Правда, Арк[адий] Павл[ович] [Слижиков] заметил, что в Харбине был личный состав во главе с начальником академии; на что я ответил, что он, Арк[адий] Павл[ович], должен был приехать, а не сидеть и напиваться «международной информацией». «Почему ты сейчас сидишь здесь, а не поехал на Русский остров?» — Ответа не получил.

После такого обмена мнениями А.И.* расстался со мной, как мне показалось, холодно. Я не считаю вправе скрывать то ужасное чувство, которое испытывал и которое оставило неприятный осадок на душе после пережитого за время сидения третьего эшелона академии в Харбине. По-моему, это «сидение» оголило каждого в данный момент, раскрыло зловонные язвы; ни корректного начала, ни человечности в нынешних людях нет.

Наболевшее искало выхода, и я высказал его тем, кто обязан был не заставлять нас, сидящих здесь, во Владивостоке, переживать. Мы были русскими, чуждыми узурпации власти и сепаратизма, в чем нас заподозрили; заботились об общем и целом и принимали удар из-за тех, кто в это время искал «международной информации» для каких-то высших для нас, маленьких людей, непонятных целей. Не эти ли стремления к получению широкой ориентировки «международного характера» вынудили некоторых членов конференции торопливо уехать за пределы России?... Не лучше ли без высших соображений, а просто, чисто и искренне уметь отвечать за свою прежнюю деятельность, если этого потребуют. Христос учил, но от своего учения не отрёкся и, не колеблясь,

* Андогский.

принял смерть мученика. Первые христиане умирали за идею, потому что служили ей и верили ей, но ничему и никому другому. Мы же, желая быть руководителями, бежим, как только почувствуем личную опасность. Не уважение, а презрение вызывают такие люди. Мы хотим, чтобы простой мужик уразумел идею государственности и умирал за нее, сами же безапелляционно сдаём свои позиции и бежим под защиту... кого? Тех, кто грабил русский народ. Да, после этого мы не смеем рассчитывать не только на любовь низшей братии, но даже на снисхождение. Обмельчал человек, утратил моральную упругость и легко входит в сделку с совестью.

Не я один так мыслю. На совещании нашлись единомышленники мои, в этом я не одинок...» [20, 415-418].

4 апреля Андогский вновь пришёл к Парфёнову, не желавшему его принимать и передавшему через секретаря В.А. Исаева, что очень занят. Тем не менее, Андогский добился аудиенции. Диалог, по версии Парфёнова, произошёл следующий:

«[Андогский:] Помилуйте, товарищ уполномоченный, мне сейчас передали, что вы угоняете у нас эшелон с самым необходимым для академии имуществом! Чем это вызвано? Ведь, кажется, мы с вами договорились? Вы обещали предупредить, согласовать. В вагонах есть личные вещи служащих академии. Никому ничего не объявлено...

[Парфёнов:] Эвакуация решена уже больше двух недель. Всем объявлялось, всем предлагалось ехать вместе с имуществом. Все желающие могут ехать и теперь, надо только заявить об этом политуполномоченному при академии. Отправляемое имущество находится в вагонах, оно портится, выгружать его здесь мы считаем нецелесообразным по целому ряду причин. Наше соглашение остаётся в силе и в отношении вас персонально; вы можете ехать вместе с имуществом академии со следующим эшелонном; мы даём полную гарантию вашей личной неприкосновенности, а, тем более, раз вы соглашаетесь работать в дальнейшем для России. Если угодно, можем написать это в письменном виде?

[Андогский:] Да, но всё это... так неожиданно. Ведь было решено, что вы обсудите насчёт развертывания академии здесь, и вдруг...

[Парфёнов:] Обсуждали, думали и решили всё-таки эвакуировать. Нашли, что так будет лучше в интересах России. Личных вещей, конечно, не увезем. Это — очевидное недоразумение.

[Андогский:] Итак, значит это решено твердо?

[Парфёнов:] Да. Твёрдо» [22, 31-32]*.

После визита к Парфёнову Андогский посетил Медведева, Лазо, Мельникова и Виленского, но ничего не добился. В тот же день Парфёнов проверил состояние первого эшелона академии и произнес речь перед красноармейцами. Отправка состава намечалась на 22 часа.

Вечером Парфёнова пригласил к себе начальник штаба сухопутных и морских сил генерал В.Н. Доманевский. Как оказалось, в кабинете Доманевского Парфёнова ждала третья встреча с Андогским. Беседа, по версии Парфёнова, произошла следующая:

«[Доманевский:] Начальник академии к вам с новым предложением. Я думаю, что оно заслуживает внимания, и потому согласился быть посредником.

[Андогский:] Видите ли, товарищ уполномоченный, после утренней беседы с вами я совещался со своими коллегами. Конференция академии единогласно решила подчиниться вашему распоряжению о выезде в Благовещенск и согласилась на все остальные ваши распоряжения о работе там и о прочем. Но мы просим, поскольку академия есть учреждение всероссийское, чтобы приказ об её эвакуации на Амур и о развертывании там был подтвержден товарищем Троцким. А то может получиться так: приедем мы в Благовещенск, с вами расстанемся, а местные большевики начнут распоряжаться нами по-своему. Затем мы просим отложить отправление первого эшелона до получения распоряжения Троцкого.

[Парфёнов:] Троцкому телеграмму дать можно, только надо сделать это через товарища Виленского, — вы можете обратиться к нему непосредственно. Эшелон задерживать мы не можем ни под каким предлогом. Конференция профессоров академии, а вместе с нею и вы, как я вам уже неоднократно предлагал, можете выехать со вторым эшелоном.

[Андогский:] Ну, а если Троцкий предложит развернуть академию во Владивостоке?

[Парфёнов:] Мы ему не подчинимся.

[Андогский:] Однако! Смело сказано!

*С некоторыми отличиями непринципиального характера опубликовано в: *Парфёнов П.* Переговоры с командованием белых сибирских армий в 1920-1921 гг. (Документы и записки) // Пролетарская революция. — 1926. — № 11 (58). — С. 159-160.

[Парфёнов:] Может быть. Но нам здесь виднее, как лучше поступить» [22, 34-35]*.

Андогский ушёл взбешенный, демонстративно не подав Парфёнову руки. Таким образом, Андогский и профессора академии пытались оттянуть эвакуацию. От возвращения в Советскую Россию академию спасло лишь резкое обострение военно-политической ситуации в Приморье. Попытка вывезти академию в Амурскую область совпала с японским вооружённым выступлением 4-5 апреля 1920 г. Готовившийся к отправке эшелон на станции Первая речка был окружен японцами, охрана разоружена и заменена японской. Разумеется, намечавшаяся большевиками эвакуация оказалась сорвана. Якобы японцы пытались захватить эшелон академии. Избежать захвата помогло обращение профессора Медведева к чехословацкому командующему генералу С. Чечеку с просьбой взять имущество академии под международную охрану. Чехи выставили караул у библиотеки, не позволив завладеть ею японцам [20, 414]. В результате этих событий Андогскому пришлось снять красную звезду, а вопрос о реэвакуации отпал.

Для противодействия японцам в академию из Инструкторской школы были присланы винтовки и патроны [20, 414], однако до боёв не дошло, и оружие по требованию японцев было сдано. В период выступления японцев оппоненты Андогского затаились. По свидетельству А.Т. Антоновича, «в третьем эшелоне всё благополучно, если не считать скрывшихся демократических деятелей Военной академии, бухгалтера типографии Гущина и служащего в ней Заколупина. Эти люди оказались храбрыми только со своими, но остаться после прихода японцев гражданского мужества не хватило; словом — великие люди, но малые дела» [20, 410].

После событий 4-5 апреля русская военная власть в Приморье перешла к представителям академии. Экстраординарный профессор академии генерал Болдырев с 7 апреля стал командующим сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока, а его начальником штаба 13 апреля стал штатный преподаватель академии генерал Антонович.

*С некоторыми отличиями непринципиального характера опубликовано в: *Парфёнов П.* Переговоры с командованием белых сибирских армий в 1920-1921 гг. (Документы и записки) // Пролетарская революция. — 1926. — № 11 (58). — С. 162.

22 апреля был издан приказ по академии с копией приказа сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока, в котором предписывалось: «Впредь до отправления российской военной академии к месту постоянного квартирования в Петроград, — сосредоточить и разместить распоряжением начальника академии всё имущество её и личный состав на Русском острове в отведённых для академии помещениях в районах 3-го крепостного артиллерийского, 33-го и 36-го [Сибирских стрелковых] полков и Инструкторской школы» [8, 268]. Поскольку академия «не будет функционировать по прямому своему назначению», её состав предполагалось использовать для работы в правительственных учреждениях, а штат вольнонаемных должен был быть сокращен.

Младший персонал академической типографии продолжал будировать и после выступления японцев, требуя отправки в Советскую Россию, хотя бы морским путем [1, 36]. Н.А. Гушин, Б.М. Чудинов и А.К. Заколупин в этом ключе 20 апреля составили доклад на имя уполномоченного Советского правительства на Дальнем Востоке В.Д. Виленского-Сибирякова, обещая своё полное содействие. Впрочем, шансы типографских работников чего-либо добиться в изменившейся обстановке были невелики.

В связи с успешным наступлением РККА на Польшу, академическое начальство было готово признать большевиков, но затем вновь вернулось к прежним взглядам. Позиция академического руководства в этот период представляется противоречивой и непоследовательной, как политика лавирования с целью сберечь академию. Возможно, в той ситуации это был единственный способ выживания. Низшие служащие академии считали академическое начальство источником контрреволюционных настроений и полагали, что вывоз академии в центр мог бы даже оздоровить обстановку в Приморье. Генштабисты-эмигранты, наоборот, относили Андогского и его окружение к предателям и пособникам большевиков.

Впоследствии генералу Андогскому эмигранты припомнили ряд «прегрешений» за период 1920-1922 гг. Вопрос об Андогском даже обсуждала некая «инициативная группа офицеров Генерального штаба» из 10 офицеров 21 июня 1927 г. под председательством генерала С.Н. Люпова. Участникам обсуждения не давало покоя сотрудничество академии с большевиками. В частности, Андогскому инкриминировался вывоз академии из Харбина во Владивос-

ток. ещё более серьёзным обвинением была отправка Андогским письма своему однокашнику по академии, учившемуся на курсе старше, бывшему Генштаба генерал-майору Д.К. Лебедеву, который служил в Красной армии. Письмо было отправлено из Владивостока в Москву и датировано 10 июня 1920 г. Письмо было в июле 1920 г. в Чите отобрано у представителя шведского Красного креста, следовавшего из Владивостока в Москву и до адресата не дошло [16].

В этом письме Андогский сообщал о готовности вывезти академию в Россию и писал: «Дорогой Дмитрий Капитонович! Я с имуществом академии и частью личного состава нахожусь с 30 марта с.г. во Владивостоке. Академия — в свернутом и запакованном состоянии расположена на Русском острове в ожидании возможности отправиться в Москву или Петроград.

Как тебе, вероятно, известно, здесь — Земское правительство, вошедшее в сношения с Московской советской властью. Командующим войсками — В.Г. Болдырев; нач[альник] штаба — А.Т. Антонович. Я — член русско-японской согласительной комиссии, имеющей задачей спасти русское достоинство от вождений японцев, являющихся фактическими хозяевами края. Работа — тяжёлая, в особенном отношении.

С представителем московского правительства здесь я уже переговорил по всем вопросам переезда в Европейскую Россию. Препятствует — Забайкальская пробка — атаман Семёнов, поддерживаемый японцами, ищущими здесь такой власти, которая гарантировала бы им необходимые экономические выгоды. За последнее время у них обнаружилось стремление войти в переговоры непосредственно с московским правительством.

Не буду рассказывать о всём пережитом за два слишком года, со времени выезда из Петрограда. Встретимся — поговорим. Горьким опытом узнал людей и испытал то, чего не пришлось бы испытывать в советской России.

Доставлен был мне советский приказ об открытии академии в Москве, — в свое время целиком написанный моею рукою. — Завидую возможности работать на любимом поприще и жду её наступления.

Семья моя вся жива и здорова.

Все шлем привет Евгении Иеронимовне и тебе.

Будучи в Томске — видались с семьей Михайленки. До ноября все были здоровы.

Крепко жму твою руку.

Твой А. Андогский.

Если увидишь С.Д. Масловского*, передай ему привет и скажи, что имущество его и книги все время ездят с нами и до сих пор сохранены.

Журнал твой** отдельными номерами доходил сюда» [6, 26].

Возможно, подобное письмо было написано Андогским для подстраховки. С другой стороны, оно свидетельствует о том, что своим призванием Андогский считал педагогическую и организационную работу в академии и завидовал тем возможностям, которые для этого были созданы в Советской России. Опыт сотрудничества с большевиками, видимо, значительно расширил кругозор генерала, дав ему представление о новых методах государственного управления и о том, что большевики были отнюдь не только кровавыми палачами, какими их изображала белая пропаганда. Познал Андогский и горечь предательства бывших сослуживцев, которые в 1918-1919 гг. поспешили откеститься от генерала и заклеили его сотрудничеством с большевиками.

Из письма Андогского следует, что он больше всего опасался захвата её имущества японцами или вывоза его за пределы России. В обстановке разгрома белых на всех фронтах он не считал недопустимыми контакты с большевиками и передачу в советский центр академического имущества. Не исключено, что впечатление на него произвело открытие в Москве в сжатые сроки академии Генштаба РККА и большая военно-научная работа, которая велась военспецами в Советской России, в частности, в журнале «Военное дело». Однако письмо попало в руки противников Андогского (было перехвачено контрразведкой атамана Г.М. Семёнова [4, 9]), и было использовано в его травле, поскольку позволяло считать его большевиком не только за кратковременное сотрудничество с красными в первой половине 1918 г., но и в 1920 г., когда Андогский был уже формально реабилитирован в белом лагере***.

Обвиняли начальника академии и в отправке телеграммы Л.Д. Троцкому с сообщением готовности вывезти академию в его распоряжение, однако этот документ пока нами не обнаружен. По свидетельству генерала М.А. Иностранцева, Андогский не скрывал связи с большевистским представителем, прибывшим во Владивосток из Москвы [5, 22об].

* С.Д. Масловский был библиотекарем академии.

** Речь идёт о журнале «Военное дело», выходившем в Москве.

*** О травле Андогского в белой Сибири см.: [19, 138-144].

В день отправки письма Лебедеву, 10 июня 1920 г., Андогский отправил и ещё одно письмо. Оно было адресовано в Иркутск давнему сотруднику Андогского И.И. Сторожеву, с которым он не виделся с декабря 1919 г., Андогский подвел своеобразный итог деятельности академии за полгода и охарактеризовал сотрудников академии: «Схематически жизнь ехавших со мною прошла через следующие испытания: К новому 1920 году мы добрались до Читы, а 9-го января прибыли в Харбин. Так как в это время уже носились слухи о назревающем во Владивостоке перевороте, то эшелон наш задержался в Харбине, где и простоял до половины марта. Ввиду полной запутанности обстановки я в середине марта отправился в Пекин, дабы посоветоваться с представителем всероссийской власти послом кн[язем] Кудашевым. Его совет свёлся к тому, чтобы отправиться во Владивосток и подчиниться земскому правительству, которое единственно является приемлемым на Дальнем Востоке. Семёнова же решено больше не поддерживать, так как он только компрометирует дело строительства государственного; внутреннюю борьбу надлежит окончить, так как она только ослабляет Россию и закабаляет её в экономическое рабство иностранцам и т.п. В результате я решил отправиться во Владивосток, куда с эшелонном и прибыл 30-го марта, поливаемый грязью из Харбина.

Но к этим ваннам я уже привык. Первые дни пребывания во Владивостоке омрачились для меня возмутительным фактом: большая часть служащих, типографщики и несколько чиновников (в том числе Высогорец и Мартынов), поверив какому-то проходившему, явившемуся в академию в качестве политического уполномоченного, порешили, что они будут управлять академией, а я упразднён как контрреволюционер; все ценное в академии (библиотеку, архив) решено было немедленно отправить в Москву под наблюдением трёх товарищей (Гушина – бухгалтера типографии и двух других, случайно попавших в академию), а весь профессорский состав как реакционный оставить во Владивостоке! Едва удалось совладать с положением и добиться упразднения политичес[кого] уполномоч[енного] при академии, сосредоточить всю власть в моих руках. Теперь постепенно разгоняю всех бунтовщиков.

Академия (имущество и семьи) расположена на Русском острове – в общем, прекрасно. Из профессорско-преподавательского состава со мною находятся только: Колюбакин, Христиани, Медведев, Коханов, Болдырев (он же к[омандующий] войсками), Антоно-

вич (он же – нач[альник] штаба войск), Слижииков. Остальные в разброд: а) Филатьев и Томашевский остались [в] Харбине, отказавшись ехать во Владивосток; б) Рябиков первоначально из страха взял двухмесячный отпуск и не поехал во Владивосток, а затем устроился у Филатьева и уехал в Японию; в) Иностранцев, видя, что ему придется отвечать за позорное бегство из Омска, вышел в отставку и уехал с чехами; б) (здесь и далее – так в документе. – А.Г.) Осипов и Киященко в панике удрали – первый на Яву, а второй – в Японию; в) о Касаткине есть сведения, что он в Чите у Семёнова; г) о Богословском, Смелове, Леонове и др. сведений нет. Где Сыромятников? Филатьев и Томашевский на службе у Семёнова. Первый получает 2.000 иен, а второй 1.500 иен в месяц.

Где [А.Ф.] Матковский? Жена его в Харбине. Сын Толя на Русс[ком] острове в корпусе*. Во Владивостоке полное господство японцев. Наше правительство имеет только моральное значение и располагает только 4.250 челов[еками] во всей области. Японцы, видимо, признают роль Семёнова оконченной и ищут для него почетного выхода. Правительство Дальнего Востока они склонны поддержать, но добиваются экономических выгод и преимуществ. Всё [же] жить пока можно, но самолюбие от полного уничтожения русского достоинства страдает ужасно.

Очень прошу тебя найти способ дать сюда полную обо всем ориентировку. Что собою представляет диктатор Смирнов?*

Предполагаю, выждав ещё, собираться в Петроград, быть может, даже морем. Очень прошу тебя навести справки в Иркутске (Харбинская улица, 20) у генерала Симонова, где находится его сын полк[овник] Ген[ерального] шт[аба] Андрей Леонидович Симонов (ускорен[ного] выпуска)» [16]. Письмо было изъято у адресата при аресте. Если изложенное в нём достоверно и написано искренне, получается, Андогский планировал передать академию большевикам или зондировал почву для этого.

Свидетельство Андогского о постепенном разгоне бунтовщиков в академии подтверждается фактами. Так, Чудинов был уволен «за сокращением штата». 20 ноября 1920 г. «за непристойное поведение в отношении личного состава администрации военной акаде-

* Речь идет о 1-м Сибирском императора Александра I и Иркутском кадетских корпусах, эвакуированных к тому времени на Русский остров.

** Речь идет о председателе Сибирского ревкома Иване Никитиче Смирнове.

мии» был уволен бухгалтер типографии Гушин [12, 48; 3, 47]*. Всколыхнувшую академическое «болото» типографию передали в штаб войск.

Имела место и ещё одна попытка академии передаться красным. Она относится к концу 1920 г., когда на Дальнем Востоке временно власть перешла к представителям Дальневосточной республики (ДВР) – Приморскому областному управлению ДВР во главе с В.Г. Антоновым. Сведения об этом крайне отрывочны. По свидетельству недоброжелателя Андогского Генштаба генерал-лейтенанта Н.Г. Володченко, «в Приморье, куда прибыл г. Андогский с личным составом и последними эшелонами академии, царствовал «розовый коммунизм»; военная власть была в руках военного совета, во главе коего стоял видный местный коммунист Лазо, а членом был другой такой же коммунист Никифоров, представителем СССР** (неофициально) был Виленский, тоже видный комму-

*Его увольнение по требованию генерала А.Т. Антоновича также вызвало протесты. Гушин был председателем рабочего комитета типографии и членом профсоюза рабочих печатного дела. 21 ноября 1920 г. общее собрание рабочих и служащих типографии высказалось против увольнения Гушина, полагая, что его увольняют за критику академического начальства [3, 26]. Вопрос об увольнении Гушина готовился, по-видимому, заранее, даже до 9 ноября [3, 27]. 8 ноября 1920 г. Андогский писал начальнику штаба войск Временного правительства Дальнего Востока Антоновичу: «4-го ноября сего года, во время моего посещения типографии академии на Русском острове – бухгалтер типографии Н.А. Гушин в разговоре по поводу некоторых недоразумений хоз[яйственной] части академии с типографией позволил себе резкую критику служебной деятельности моих помощников по администрации академии, выразившись так: «Вы, А.И., окружили себя дураками»... Весь разговор велся в повышенном тоне. При нем присутствовали: заведывающий типографией К.А. Наумов, фактор типографии А.Ф. Баранулько, корректор – А.К. Заколупин. Кроме того, несомненно, он был слышен и многими другими работниками типографии. Докладывая о сем, прошу Ваших распоряжений по сему вопросу заведывающему типографией. Со своей стороны полагаю, что выступления, подобные вышеописанному, совершенно недопустимы среди вольнонаемных типографии. Они безусловно направлены к дискредитированию администрации академии среди рабочих типографии и к нарушению нормальных и спокойных взаимоотношений между нею и рабочими» [3, 28].

**Так в документе. На самом деле речь идет о событиях 1920 г., произошедших задолго до образования СССР.

нист... Осовечивание края приняло темп, игнорирующий всякую предосторожность, во Владивостоке производили открыто выборы в совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Сам г. Андогский являлся бывшему тогда ком[андующем]у войсками Болдыреву с большой красной звездой на рукаве (о ношении красной звезды упоминается и в книге Галича – «Золотые корабли»*)... Тот же г. Андогский вел переговоры с Кожевниковым о перевозке Академии в Читу. Не входя в разбор письма Лебедеву... приходится указать, что справки из Болдырева и Вегмана** имеют характер, уничтожающий малейшую возможность обеления г. Андогского» [6, 31-31об].

По свидетельству Болдырева, относящемуся к концу декабря 1920 г., Андогский действительно беседовал с товарищем министра иностранных дел ДВР И.С. Кожевниковым по вопросу о переброске академии как центрального учреждения в Читу – столицу ДВР. Академии были обещаны правовые и материальные гарантии. Болдырев посоветовал обдумать это предложение и предварительно съездить в Читу, но сам как профессор академии туда ехать не собирался [17, 399]. В эмиграции недоброжелатели Андогского писали о переговорах с чехословаками, которые также якобы вел Андогский для переброски академии в Читу [6, 56об]. По этим сведениям, все, кто не пожелал ехать в Читу, были от академии отчислены по распоряжению командующего частями Народно-революционной армии и партизанскими силами в Приморье А.П. Лепехина, а сама академия не эвакуировалась в Читу только из-за вмешательства японцев.

2 февраля 1921 г. Болдырев побывал у Андогского. По дневниковой записи Болдырева Андогский «в смущении: из Читы определённого призыва нет, здесь жмут академию военные комиссары, сделавшиеся в сущности полновластными хозяевами положения. Тревожит мысль о финансах и о целесообразности новых «зигзагов», в которых так искусился почтенный Андогский. К чести его, он делает многое для академии и ухитряется в столь сложное

* В этой книге упоминался «начальник академии – Андогский, с совсем маленькой, совсем крошечной красной звездой. Впрочем, совместив вскоре с должностью начальника академии пост владивостокского городского головы и тайного советника при братьях Меркуловых, он появлялся уже не иначе, как в эполетах и широких генеральских лампасах» [18, 228].

** Речь идет о воспоминаниях генерала В.Г. Болдырева с комментариями В.Д. Вегмана, использованных обвинителями Андогского.

время кормить и учёный и административный состав подчиненного ему учреждения» [17, 412].

Положение академии и её начальника было непростым, давало о себе знать японское засилье. 10 июня 1920 г. японцы на несколько часов арестовали двух служащих библиотеки академии (фактора типографии А.Ф. Баранулько и писаря библиотеки Б.И. Рака) за то, что те их не пускали в помещения типографии. Также они нанесли оскорбление библиотекарю академии А.С. Дружинину. Вечером арестованные были отпущены [7, 216]. Руководитель дел академии Слижииков рапортовал начальству, что от того, как разрешится этот инцидент, будет зависеть престиж академии, поскольку игнорирование японцами академического начальства неприемлемо. Андогский 15 июня потребовал в случае необходимости осмотра японцами помещений академии обращаться только к администрации [7, 219]. Через некоторое время и сам начальник академии стал жертвой новых хозяев края. В первых числах февраля 1921 г. Андогского на автомобиле задержал японский взвод у казарм 36-го полка. Генерала отконвоировали к коменданту и пытались задержать со словами: «Ваша русски офицер ходи гауптвахта». Позднее японцы заявили, что ошиблись. Как справедливо отмечал Болдырев, «такие поступки, несомненно, увеличивают кадры сторонников большевиков» [17, 413].

Вопрос об эвакуации в Читу сохранял актуальность вплоть до мая 1921 г. [13, 15], когда политическая обстановка на Дальнем Востоке резко переменилась и академическое начальство стало демонстрировать лояльность новым приморским властям. В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление ДВР, и к власти пришло Временное Приморское правительство под председательством С.Д. Меркулова.

Попытки передачи академии большевикам представляют несомненный исторический интерес, как с точки зрения хода событий и взаимодействия сторон Гражданской войны на Дальнем Востоке, так и с точки зрения истории академии, в частности, и российского Генерального штаба в целом. Безусловно, и в самих этих событиях и в их изложении участниками немало противоречивого. Если первая попытка отправить академию в Благовещенск и далее в советский центр со всей очевидностью исходила от приморских большевиков, и академическое начальство ей противодействовало, то последующие попытки предпринимались уже самим академическим руководством как посредством переписки с прежними сослуживцами в Москве, так и через переговоры с дальневосточными большевиками. Вместе с тем, до реального воплощения этих планов дело так и не дошло. Не исключено, что действия академичес-

кого начальства являлись лишь способом выживания в сложной и неясной обстановке посредством заигрывания со всеми противоборствующими сторонами, дабы обезопасить себя на будущее в условиях политической нестабильности. С приходом к власти Временного Приамурского правительства вопрос об отправке старой Военной академии в Советскую Россию сошёл с повестки дня.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 143.
5. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57.
6. ГАРФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5.
7. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2.
8. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47.
9. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 52.
10. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 53.
11. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63.
12. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66.
13. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 72.
14. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610.
15. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1614.
16. Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhmetteff Archive, Columbia university, VAR). К.К. Akintievskii papers. Box 3.
17. Болдырев, В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет») 1917-1922 гг.) / В.Г. Болдырев – Новониколаевск, 1925.
18. Галич, Ю. Золотые корабли. / Ю. Галич Скитания. – Рига, 1927.
19. Ганин, А.В. Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского / А.В. Ганин // История белой Сибири. Сборник научных трудов. Под ред. С.П. Звягина. – Кемерово, 2011. – С. 138-144.
20. Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири. Вып. 3. – Кемерово, 2006.
21. Парфёнов, П. Переговоры с командованием белых сибирских армий в 1920-1921 гг. (Документы и записки) / П. Парфёнов // Пролетарская революция. 1926. № 11 (58). С. 156-158.
22. Парфёнов, П. На соглашательских фронтах. / П. Парфёнов. – М., 1932.